

Признаки жизни

Есть такая одноименная рубрика в одесском юмористическом журнале "Фонтан", где я имею честь сотрудничать. О чем она? Да о том, что жизнь продолжается. Вопреки всевозможным ужасикам, триллерам и диллерам. По сему "Гроб из Одессы" (новая старая повесть популярного одесского бытописателя Валерия Павловича Смирнова) — вовсе не вынос тела, а скорее экспорт ретроспективного виртуального "человеческого вещества" (в терминологии Платонова), диффузия, "растекание" Аромата Города по всему земному шару, пусть даже тонким слоем, кисеей, вплоть до самых отдаленных молочных рек и кисельных берегов. "В Портленд", "в Бразилию, в Бразилию, в Бразилию" (в песенных текстах Берковского), далее — везде. Специфический этот "духман" расплзается по миру (ср.: "Пустить по миру") купно с его носителями. Когда мне говорят, что в Одессе давненько не производят ничего путного, я возражаю: "Здесь делают людей". "Да, но таких уже не делают", — следует неоригинальная навстречная реплика. "Как это, не делают? Разве и вы перестали заниматься любимым делом?" Еще как делают! Не из всех, понятно, получают Смирновы, однако оптимистический лозунг "Больше Смирновых — хороших и разных!", как обычно, остается актуальным.

Жизнь таки продолжается. Несмотря на. И если кто-либо бережно унес на подошвах эксклюзивного "Скорохода" пыль одесских булыжных мостовых, дабы расплодить ее на промытых импортной росой и ностальгическими слезами "фривзях", то это еще не означает, будто воспетая самим Александром Сергеевичем родная пыль истоцилась, как и иные полезные ископаемые на мостовых, тротуарах и в заветных подворотнях. Жизнь продолжается, несмотря на наше в ней отсутствие. Но откуда мы еще здесь, и, подобно усердным старьевщикам, собираем и подбираем свой товар, на этот товар всегда находится покупатель. "Значит, это кому-нибудь нужно" — смирновские истории, притчи, байки, баллады и прочие рапсодии, как и мои коллекции битых тарелок и бутылок, биографии выцветших фотографий, ржавых ключей и писчих перьев. Значит, есть некая великая загадка битых горшков (а за одного битого, как известно, двух небитых дают!), некое необъяснимое очарование произвольно складывающихся в мозаику ретроспективных сюжетов, эпизодов и живописных руин.

Вчера по "ящику" показывали новоявленного (палеонтологам) дино-

завра, который 10-11 миллионов лет назад обитал в окрестностях чего-то там (короче, не в нашем районе), умел левитировать, как Дедал с Икарком, и имел размах крыльев в четыре с полтиной метра. Черт же возьми! Могучая кучка историков, литераторов и прочей любознательной саблезубой сволочи лет сто копается во внутренностях Одессы, чтоб зафиксировать "признаки жизни" и всю "историю болезни". Как там у Райкина, — 22 здоровенных мужика гоняют один кожаный мяч; а надо бы подсоединить каждого к какому-нибудь полезному редуктору! А тут — десять миллионов лет. Чувствуете две большие разницы?! А мы, стало быть, такие себе неопалеонтологи? Раскопают, поди ж ты, некие оригиналы, вроде нас, в неразличимой светлой дали "Гроб из Одессы" или "Полутолковый словарь одесского языка", возрадуются и бирку привесят: Smirnovus odessikus dinozaugus. Верно, он и есть динозавр, реликт чего-то прежнего, о котором толкует, "чтобы помнили".

"Мне пришлось поступить, как истинному попечителю, — утверждает герой смирновской "Легенды за сундук сокровищ", — стать достойным культурных традиций Одессы. Она никогда не ценила, что имела. Она изживала из себя все лучшее. Она привыкла кичиться своими выдающимися детьми, когда они становились покойными. И нередко сама прикладывала к этому руку". Лучше бы ты был не прав, Валера...

Как было сказано, жизнь продолжается. Другая жизнь. (Мы могли вовремя убраться восвояси, но остались, и, говорят, для таких, как мы, собираются устроить специальный город — МУДОГРАД.) И, уезжай — не уезжай, в ней, в другой жизни, остается все меньше знакомых и близких лично тебе действующих лиц. Будь то аутентичные городские сумасшедшие Пушкин или Яник, а равно представители творческих профессий: пианист Блох, художник Дюльфан, писатель Лившин, поэт Михайлик, литературовед Соколянский, вокалистка Анисимова, следуют десятки имен. Твой город с каждым годом становится все малоллюднее. "Моя нынешняя тусовка, — с горечью фиксирует Смирнов, — волна, весло, удочка, лес, ружье, поле, а не насквозь перелицованная "еще та Одесса", от которой остаются лишь мемуары". Как справедливо заметила одна американская исследовательница, "Одессе суждено было превратиться в эпос". (В смирновском словаре одесского языка и в самом деле много реликтов как то: "евреи", "Рабинович", "шлемазл", "шикер", "халоймыс", "бикицер", "мишпуха" и проч.) Забавно, что столь "строгий, но справедливый" к себе и к городу, Валера сделался как раз одним из самых одаренных его мифотворцев.

А между тем я не апологет его текстов. (Вероятно, здесь особый случай —

в принципе, мы занимаемся одним и тем же, только в разных жанрах. Проблематика меня совершенно замордовала: помните гинеколога, каковому барышня предложила "показать"? Так что Смирнова читаю редко. И преимущественно — сюжеты, с Одессой не связанные. Хотя, например, "Чужая осень" мне очень по погоде, и я бы предпочел ее видеть своей, особенно в июле.) Зато я апологет самого Смирнова — как рельефного исторического персонажа, как совестливого человека, живущего "по понятиям". Сколько-то лет назад, в ходе организации и проведения первых археологических исследований непосредственно в историческом центре города, мы с профессором-историком А.О. Добролюбским организовали неформальное творческое объединение — Клуб городских сумасшедших имени Володи Дубинина. Пошутили, что называется, всерьез, и теперь число желающих получить членство в когорте особо одаренных невменяемых крайне велико. Отбор же чрезвычайно строг — принимаются единицы. Так вот, Валера Смирнов включен в элитарный кружок, так сказать, по совокупности работ. Как феномен.

Валера — элемент городского дизайна. Значимая примета одесского пейзажа. Он как бы присутствует во всех его закоулках одновременно. Одесса пропитана Смирновым. Сказать наоборот — тривиальность.

Я люблю встречать его и встречаю повсюду: на Староконном, на Преображенской, Дерibasовской, Херсонской, далее — по тексту. "Ну что, — говорю, — жив еще? Нет еще?" Он — такое справочное бюро по широкому кругу вопросов, начиная от цен и качества рыболовного и охотничьего инструментария (здесь Смирнов дока, его "Правда о рыбалке" — настоящий бестселлер!) и кончая спектром политических, литературных и журналистских курьезов регионального уровня. Ходит-бродит со своим печальным отзывчивым псом, иллюстрирующим совместную с хозяином тоску по первоисточникам "Записок охотника".

Валеры для меня всегда много, он на себя не скупится. Говорят, что пьющий (я) выжигает в себе нервные клетки, причем не только избыточные, а непьющий с открытым сердцем (он) раздаёт их, транжирит, тоже добровольно, но КПД выше. Смирнов такой. В комплекте к виртуальным подаркам полагаются и материальные, "пацанячьи": взрослая бутылка "Smirnoff", кортик, кинжал, "козья ножка", наваха и кое-что покруче, а также охотничьи трофеи (как то: дрофа, куропатка, фазан, птеродактиль и прочие чудеса в перьях). Каждый охотник желает знать, где сидит Смирнов. Когда были живы социалистические вытрезвители, Валера презентовал мне два подлинных, с соответствующими печатями и подписями, документа: на бесплатное и на внеочередное обслуживание в означен-

ных отрезвляющих конторах. И эти бумаги мне потом здорово пригодились: менты разглядывали их сперва с недоверием, а после со смехом, и... отпускали на волю, так сказать, в пампасы.

Невероятная щедрость — пункт А в его "джентльменском наборе". "Совершенно не стесняюсь того, что зачастую ловлю больше, чем милостиво позволяют правила рыболовства, ни в чем ином их не нарушая. В конце концов, я почти всегда раздаю большую часть улова приятелям и соседям пенсионерам, для которых сегодня рыба стала непозволительной роскошью. (...) Будем считать, что я слегка компенсирую их неумение ловить рыбу, одновременно улучшая работу пенсионного фонда". "Правда о рыбалке" — на самом деле, "Правда о Смирнове".

Если мне говорят, что Смирнов написал что-либо плохо, что схалтурил и т.д. и прочее, парирую наотмашь. Аргументы (и, кстати, факты) — железные и неоспоримые. В самом деле, назовите мне другого одесского (и даже не только) литератора, пусть с избытком обремененного всевозможными формальными регалиями члена соответствующего творческого союза (Клуб городских невменяемых — не в счет), который десять лет живет исключительно от продажи собственных книг. Ну-ка! Съели?! Десятилетие назад Валера оставил журналистскую службу, и с тех пор в разных изданиях вышли в свет 30 (!) его книг, большинство из которых — массовыми тиражами. Впрочем, издать — половина (четвертина?) дела. Главное — в том, что издатели, разумеется, не остались внакладе. И нынче многие из книг Смирнова сделались настоящими раритетами. Так, первое издание "Гроба из Одессы" мне пришлось искать днем с огнем. Вот так будет наш достойный ответ Чемберлену.

...Признаки жизни. Мы подаем их, мы сигнализируем о себе, о своем местонахождении, статусе (в том числе — беженца), тону не только пешим ходом, приветственными кивками, легким или тяжелым дыханием. Мы еще говорим, размышляем, пишем о разных глупостях, неизвестно для кого и неизвестно для чего. И пусть нас называют болтунами, графоманами или умниками, с этим ничего нельзя поделать, и результат останется неизменным: мы в охотку продолжим творить то, к чему лежит душа. И это не хорошо и не плохо, а только так, как оно есть. Это одновременно диагноз, эпилепсия и прогноз.

Вероятно, я скверный имиджмейкер. Пиар — не мое амплуа. Но и не берусь писать о тех, к кому равнодушен. Валера Смирнов занимает немало места в моей жизни. Скажу так, что он — один из ее признаков. И поэтому я с признательностью констатирую: ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.